

УДК 821.111 (73). 09 «1917/1991»

ББК 83.3 (7 Сое) 6

П 94

Пыжова Е.И.

Аспирант кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения Кубанского государственного университета, e-mail: elenapujova@yandex.ru

**Архетипический образ Дом-убежище
в романе Торнтон Уайлдера «День восьмой»
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается формирование и развитие архетипического образа Дом-убежище в романе Торнтон Уайлдера «День восьмой». Выявлено, что этот образ выступает как знаковый элемент культурного пространства. Соединение психологического и архетипического в образе Убежища делает его неразрывным с внутренним состоянием семьи – ее жизни и разрушения.

Ключевые слова:

Архетип, архетипический образ Дом-убежище, Дом-темница, Дом-жертвенный алтарь.

Pyzhova E.I.

Post-graduate student of Foreign Literature and Comparative Cultural Studies Department, Kuban State University, e-mail: elenapujova@yandex.ru

**The archetypal image of the Hiding Place in the novel
of Thornton Wilder “The Eighth Day”**

Abstract:

The paper is devoted to one of the features of the novel of Thornton Wilder “The Eighth Day”: the nascent state and the further development of the archetypal image of the Hiding Place in the novel. The Hiding Place is shown to be a symbolic element of cultural space. The connection of the archetypal and psychological makes the image of the Hiding Place inseparable with the internal state of the family: its life and destruction.

Keywords:

Archetype, archetypal image of the Hiding Place, the Prison House, the House- Sacrificial Altar.

В американской литературе XX века (в частности первой его половины) одним из центральных архетипов, воплощенных в творчестве романистов, стал архетип Дома. Архетип, попадая в художественное пространство литературного произведения, никогда не существует в чистом виде: он становится индивидуальным – авторским, и только восходит к архетипу. Так в творчестве Уайлдера мы находим несколько разновидностей архетипа Дома, которые мы будем называть архетипическими образами. Однако архетип Дома реализуется не только

в архетипическом образе Дома-убежища, но и представляется авторами как темница, жертвенный алтарь (что, несомненно, берет свои корни в глубокой древности; здесь речь идет о ритуальных манипуляциях при закладке фундаментов, к примеру, у сербов и болгар [1]).

Формирование архетипического образа Дом-убежище берет свое начало от первых переселенцев, прибывших к таинственным берегам нового континента в поисках Нового Дома, в надежде, что Америка станет истинным Убежищем и Пристанищем, где мечта о независимости от Британской короны достижима (впрочем, хлопоты о Свободном Доме, предпринятые Джоном Уинтропом – «Рулевым» «Леди Арабеллы» и предводителем флотилии, приставшей к берегам Чарлзтауна в 1630 году, первым губернатором колонии Массачусетс – были предприняты еще в Великобритании). *«Мы должны быть готовы отринуть все наносное, подчинив себя необходимому <...> ни на мгновение не забывая о своем Предназначении. Мы должны понять, что будем подобны Граду на Холме; на нас будут обращены взоры людей всего мира, и если в этом деле мы отвертим очи от Господа Бога нашего и вынудим Его лишить нас Своего нынешнего попечения, то предадим множество слуг Божьих и вместо молитв услышим проклятья»* [2: 37] – возвещал Джон Уинтроп, предлагая своим соотечественникам заключить договор между собой, названный по-библейски *Covenant* – Завет. Таким образом, вновь заселяемый континент представлялся первопоселенцам Ковчегом, сохраняющим их от погибающего Старого Света: *«Но с тобою Я поставлю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сыновей твоих с тобою»* [3], новым миром, в котором человек будет *«свободен не только от замкнутых иерархических установлений деспотической власти, угнетавшей его как представителя мас-*

сы, но и от самой этой массы, сформированной иерархическими установлениями церкви и государства, которые удерживали его как личность в рамках зависимости и бессилия» [4: 84].

Если обратиться непосредственно к роману «День восьмой», мы увидим сходную картину: Джон и Беата Эшли (Келлерман) сродни первопоселенцам. Оба бегут от родителей, обоим нужна свобода и независимость: Джону – попросту *«надоело быть сыном»* [5: 317], в то время как Беата была вынуждена жить в доме, *«который был для нее тюрьмой, полной страхов»* [5: 301]. И Беата, и Джон – протестанты. Оба посещают службы, однако истинно верующими назвать их нельзя: они не следуют религиозным обрядам в кругу семьи, не считают необходимостью узаконить свои отношения перед Господом.

Беата и Джон нашли убежище в небольшом провинциальном городке – Коултауне. Джон Эшли, будучи человеком неординарным, с радостью принял на себя многочисленные заботы. Это и бесконечные усовершенствования на Коултанских шахтах, помощь индейцам кангахилам, воспитание детей. Но для Беаты, *«окаменевшей»* [5: 313] в отчем доме, весь мир концентрируется вокруг человека, вырвавшего ее из состояния одиночества и бесконечного страдания.

Связь Беата-Джон (*«они редко расставались более чем на сутки – куда бы посадили в тюрьму»* [5: 315]) была бы неполной без еще одного звена – их семейного гнезда «Вязов». Именно Дом стал барометром всего происходящего в семействе Эшли: рождения детей, семейного тепла и счастья, горя и разрушения, постигшего его обитателей.

Эта связь подчеркивается и контрастным описанием «Вязов» Макгрегоров (прежних владельцев дома) и «Вязов» Эшли. *«Никто не утверждал, будто в «Вязах» водится нечистая сила, но было известно, что дом строили в злобе, жили в нем недружно и покинули его при*

трагических обстоятельствах. <...> Все, все сбылось в «Вязах» - только не для Эрли Макгрегора. Лестница, так задуманная, чтобы выгодно подчеркивать грацию и величавую осанку его супруги, не выполнила своего назначения. <...> Ни одной новобрачной не привелось бросить с верхней площадки свой букет в протянутые у подножия руки. Зато по широким ступеням оказалось очень удобно сносить гробы» [5: 27-30]. Зато Эшли приняли все «как подарок судьбы»: «Они с Беатой счастливо прожили в этом доме почти семнадцать лет» [5: 30]. Дети Эшли оживили погребальную атмосферу «Вязов»: вечерами они собирались в гостиной и читали, пели, Джон Эшли и Брекенридж Лансинг часами просиживали в «Убежище» - мастерской для опытов, выстроенной Джоном. Так Дом становится не только символом процветания и гибели семейства Эшли, но и «своеобразным живым организмом, с которым происходят все те же изменения, что и с семьей» [6].

Отчасти символической нам представляется семейная зарисовка ожидания Нового 1900-го года, неким затишьем перед бурей, которая в считанные мгновения разрушила семейство до основания: «Беата Эшли избегала многочисленных сборищ; она сидела дома перед высокими дедовскими часами в кругу своих дочерей: Лили, Софи и Констанс» [5: 18]. Часы отсчитывали последние месяцы, недели, дни до трагедии, а сама Беата словно готовилась к полному отрешению и одиночеству. Спустя всего полтора года дочери станут ее единственными собеседниками, единственным, что будет побуждать ее к жизни.

«Вязы», что в счастливые годы семейства Эшли были сродни гнезду, надежному очагу, где царил тепло, понимание, радость и уют, где выросли дети, а по утрам Джон распевал песенки «Нитажуанита» и «Китайская прачечная», трансформировались в неприступное Убежище, надежно укрывшее мать семейства и дочерей не только от сторонних взгля-

дов и досужих разговоров, но и от необратимой жалости к самим себе, от бесконечного горя: «Девочки осенью не вернулись в школу. Ученье они продолжали дома, под руководством матери. Ни Лили, которой было без малого девятнадцать, ни девятилетняя Констанс, ни сама миссис Эшли не выходили за ворота «Вязов» [5: 38]. Но душой Дома всегда оставался Джон. Поэтому с его уходом жизнь в «Вязах» словно прервалась: «В атмосфере «Вязов» не доставало тепла. Каждый из членов семьи существовал сам по себе» [5: 84].

Теперь же «Вязы» стали отражением души своей хозяйки. Хотя ее участие в жизни семьи и стало почти незаметным (архетип дочери – Софи Эшли – трансформировался в архетип матери), она настолько соединяется с домом, что ее внутреннее состояние «вечной вдовы на похоронах» [5: 74] отражается и на «Вязах». Свет в комнатах не включали, мебель была распродана, одиночество и скорбь наполнили комнаты. «Вязы» словно укутались в траур. Убежище Беаты было шатким, временным. Приближался скорый конец. Дом-Убежище стал целым миром для Беаты, где будущее, прошлое и настоящее – единое целое: как и до ареста Джона Эшли, дети и мать собираются вечерами в гостиной и читают, соблюдается традиционный ужин, Лили все играет на фортепьяно и поет все те же песни.

Ситуация незначительно изменяется благодаря неудержимой жизненной силе средней дочери четы Эшли – пятнадцатилетней Софи. Ей не только удается уговорить мать открыть в «Вязах» пансион. Это стало отправной точкой к разрушению шаткого Убежища матери. Словно оттаивая, Беата впускает в свою жизнь новых людей, старых друзей (Ольгу Дубкову, доктора Гиллиза). Она наконец покидает нерушимые стены «Вязов» и выходит в город.

Однако Убежище не перестает существовать. Оно только расширяет свои границы, сливаясь с Коултауном. Так Бе-

ата Эшли категорически отказывается покидать город, надеясь, что ее Джон вернется к родному очагу: «Покинуть «Вязы»? О нет, Роджер, этого я никогда не сделаю. Никогда, никогда! <...> Мне приятно содержать пансион. Это дает деньги. Мне приятно думать, что когда-нибудь эти деньги пригодятся вашему отцу. <...> Пока твой отец не вернется, Роджер, я не выйду за ворота «Вязов» [5: 430-431]. Только после письма миссис Уикершем, в котором она выражала уверенность, что если бы Джон был жив, то он нашел бы способ связаться с ней, Беата Келлерман закрывает пансион и переезжает в Лос-Анджелес.

Опустели «Вязы»-Убежище (микро-город, созданный Беатой и ее семьей), пустеет и разрушается Коултаун, приютивший семейство Эшли. Символично, что разрушение Дома Эшли происходит одновременно с крахом города: «Коултаун точно усох. Уехали семьи убитого и предполагаемого убийцы. Их дома несколько раз переходили из рук в руки. <...> В разбитые окна заливал дождь и валил снег; птицы вили гнезда и в верхних этажах, и в нижних; ограда покосилась и нависла над тротуаром, как застывшие

волны прибой. Беседка в «Вязах» рухнула в пруд. <...> Горы вокруг были подточены заброшенными теперь шахтами, и земля над ними оседала <...>. Только стаи летучих мышей, его нынешних обитателей, вылетали с наступлением сумерек и кружили над долиной. <...> В Коултауне теперь нет даже почтового отделения. Административный центр района переместился в Форт-Барри» [5: 23-24].

Архетипический образ Дома-Убежища, уходящий корнями к моменту появления на территории современных США первопоселенцев, становится символом, превращаясь в знаковый элемент «культурного пространства» и универсальный символ. Это символ как внутреннего состояния человека, так и семьи, и даже города. Расширение значения совершается вместе с развитием сюжета. Таким образом, в этом варианте архетипа мы можем проследить, как происходит синтез психологического и архетипического. Архетип Дома «доказывает не только собственную универсальность, но и перспективность дальнейших литературоведческих исследований художественной концепции личности классической и текущей литератур» [6: 51].

Примечания:

1. Левкиевская Е.Е. Тень // Славянская мифология. М., 1995. 239 с.
2. American Prose and Poetry. Boston, 1970. 396 p.
3. Фолкнер У. Статьи. Речи. Интервью. Письма. М., 1985. 488 с.
4. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета (канонические). Бытие, 6:18. М.: Российское Библейское Общество, 1993. 294 с.
5. Уайлдер Т. День восьмой. М., 2011. 476 с.
6. Никольский Е.В. Семантическая роль мотива отчего дома в романах-семейных хрониках // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и Искусствоведение. 2012. Вып. 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-rol-motiva-otchego-doma-v-romanah-semeynyh-hronikah> (дата обращения: 25.09.2014).

References:

1. Levkiyevskaya E.E. A shadow // Slavic mythology. M., 1995. 239 pp.
2. American Prose and Poetry. Boston, 1970. 396 pp.

3. Faulkner U. Articles. Speeches. Interviews. Letters. M., 1985. 488 pp.
4. The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament (canonical). The Book of Genesis, 6:18. M.: The Russian Bible Society, 1993. 294 pp.
5. Wilder T. The eighth day. M., 2011. 476 pp.
6. Nikolsky E.V. Semantic role of the motive of an ancestral home in family chronicle novels // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. 2012. Iss. 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-rol-motiva-otchego-doma-v-romanah-semeynyh-hronikah> (access date: 25.09.2014).